

На правах рукописи

СТЕШЕНКО Мария Александровна

**КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ
В БИБЛИИ И В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII—XX ВЕКОВ**

10.02.01 — русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Калининград
2020**

Работа выполнена в федеральном государственном автономном
образовательном учреждении высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Бабенко Наталья Григорьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Боженкова Наталья Александровна
(ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина»,
профессор кафедры общего
и русского языкознания)

кандидат филологических наук
Фещенко Владимир Валентинович
(ФГБУН «Институт языкознания РАН»,
старший научный сотрудник
Научно-образовательного центра теории
и практики коммуникации
им. Ю. С. Степанова)

Ведущая организация: ФГБУН Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Защита диссертации состоится 18 декабря 2020 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Балтийского федерального университета им. И. Канта
<https://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/steshenko/>.

Автореферат разослан «__»_____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. Н. Черняков

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена конструированию и интерпретации когнитивных моделей представления антропонимических концептов в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков.

Актуальность настоящего исследования обусловлена подчеркнутой антропоцентричностью современной лингвистики и устойчивым интересом ученых к проблемам антропонимики, в частности художественной антропонимики. Вопросы репрезентации когнитивных категорий и их анализа в системе филологических наук вводят филолога в пространство смежных областей знания, в котором сочетаются языковые и внеязыковые факты, что обуславливает ориентированность на междисциплинарность методологического аппарата настоящего исследования. Изучение библейских антропонимов как особого рода концептов, являющихся специфическим кодом к пониманию культуры, в совокупности с исследованием поэтики антропонима как прецедентного знака, функционирующего в стихотворении, позволяет репрезентировать связь между общественным и индивидуальным сознанием, выйти в пространство лингвокультурологических и экстралингвистических смыслов. Присутствие в сознании цивилизованного человека и, как следствие, в художественных произведениях концептов библейского истока определяет прецедентный потенциал Библии.

Развивая ассоциативно-семантическую связь внутри контекста, библейский антропоним выступает единицей осуществления особых коммуникативных стратегий, проявляющих намерения автора. Наблюдение за этими стратегиями позволяет не только выявить информационно-ассоциативный ореол прецедентного библейского антропонима, но и отследить его динамику, обогащение в процессе последовательного прохождения библеизма-антропонима сквозь микро- и макроконтэксты функционирования в мегаконтекст культуры. Всем сказанным и определяется актуальность настоящего исследования.

Методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых разных времен и эпох, в рамках целого ряда дисциплин: ономастики (О.С. Ахманова, Л.М. Щетинин, А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, И.В. Бугаева, И.А. Королева, Г. Серенсен, М. Бреаль и др.); теории прецедентного имени и лингвокультурологии (Ю.Н. Караулов, О.И. Фонякова, Ю.С. Степанов, Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин, М.Э. Рут, В.В. Красных, Е.А. Нахимова, В.И. Карасик и др.); лексикографии (Е.С. Отин,

Л.Л. Шестакова); поэтики онимов (В.Н. Калинин, А.А. Фомин и др.); теории поэтического текста и дискурса (В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, В.П. Григорьев, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, Ю.И. Левин, Р.О. Якобсон, Ю.В. Казарин), когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, М.В. Никитин, Н.А. Боженкова, Г.И. Берестнев; Е.С. Кубрякова), теории фреймов (М. Минский, Ч. Филлмор, Ж.В. Никонова), лингвопоэтики (Н.Г. Бабенко, Н.А. Фатеева, Д.Н. Ахапкин, В.В. Фещенко, Г.И. Климовская).

Объектом исследования выступает корпус библейских антропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга в Библии и русской поэзии XVIII–XX веков как совокупность концептуальных единиц, реализующих в тексте когнитивный, лингвистический и поэтический потенциал.

Предметом изучения являются когнитивные модели семантизации ономастикона Библии и библеизмы-антропонимы, формирующие семантическое пространство поэтического текста, а также зону его интерпретации во фреймовом и лингвопоэтическом аспектах.

Цель работы – конструирование когнитивных моделей представления концептов-антропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков; определение степени актуализации библейских фреймов в сознании носителя христианской культуры посредством описания лингвопоэтики семантизации библеизмов-антропонимов.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач**:

- рассмотреть понятие «имя собственное» и описать его в аспекте специфики значения, в том числе в контексте интертекстуальности и прецедентности;
- представить структуру библейского ономастикона;
- описать фреймовый подход как процедуру когнитивного моделирования при исследовании семантизации библейских антропонимов и квазиантропонимов исследуемой тематической группы;
- визуализировать и обобщить посредством применения инструментов цифровых технологий статистические данные об употреблении антропонимов-библеизмов в русской поэзии XVIII–XX веков;
- применить интегрированный фреймо-лингвопоэтический подход к исследованию семантизации квазиантропонима *блудный сын* и антропонима *Мария Магдалина* в языке русской поэзии XVIII–XX веков.

В качестве **материала исследования** послужили объединенные употреблением библейских антропонимов с семантикой физического/духовного совершен-

ства и недуга тексты, представленные в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка и словаре личных имен «Собственное имя в русской поэзии XX века» [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005]. В результате анализа материала был выделен 231 поэтический контекст; количество встречающихся в них антропонимов/квазиантропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга – 19 единиц, количество употреблений – 241.

В процессе культурологической характеристики библейской концептосферы материалом исследования являлся не только текст Библии, но и библейский текст в широком понимании – библейский дискурс как тематически и семантически связанные с Библией разновременные рефлексивные тексты, толкующие смыслы Вечной книги.

Методы исследования. В соответствии с целью и задачами исследования в работе использованы **методы и приемы** когнитивного моделирования и описания, лингвопоэтического, лингвокультурологического, интертекстуального, концептуального анализа, контент-анализа, методы визуализации информации на основе графовых моделей и построения «облака слов».

Фреймовый подход как способ когнитивного моделирования и описания позволяет определить и охарактеризовать механизмы формирования значения у прецедентной ономастической единицы, сообщающей концептуальные смыслы библейского текста. Лингвопоэтический анализ вербального наполнения слотов библейских фреймов в русской поэзии демонстрирует, как языковые знаки репрезентируют концептуальное содержание поэтического произведения.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что смысловое содержание библеизма-антропоэтонима может быть представлено в виде устойчивой когнитивной модели: в слотах библейского протофрейма «Духовное преображение человека» и вторичного протофрейма «Духовная гибель человека», а также в конкретной сценарно-фреймовой манифестации одноименного сюжета, транслируемого прецедентным антропонимом. Предполагается, что динамика фрейма, обусловленная особенностями контекстуальной актуализации его ключевых семантических элементов в поэтическом тексте, определяется своеобразием творческих практик и глубиной рефлексии всех участников литературной коммуникации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые:

– разработана и описана процедура когнитивного моделирования при исследовании семантизации библейских антропонимов и квазиантропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга;

– предложена структура концептуального пространства библейского дискурса, последовательно включающая в себя концептосферу Библии, персоносферу Библии, в пределах которой выделена концептуальная область «*Ветхий человек и новый человек*» с принадлежащими ей концептами-антропонимами и квазиантропонимами;

– введена система библейских протофреймов: базового – «Духовное преобразование человека» и вторичного – «Духовная гибель человека», а также их конкретных воплощений – фреймов-сценариев с именем библейского героя, задающих направления семантизации библеизмов-антропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга;

– продемонстрировано комплексное применение отдельных инструментов цифровых технологий («облаков слов» и графовых моделей) как средств обобщения, визуализации и анализа статистических показателей употребления библейских антропонимов в русской поэзии XVIII–XX веков;

– применен фреймо-лингвопоэтический подход к исследованию семантизации библеизмов-антропонимов в русской поэзии XVIII–XX веков.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что разработанный в диссертации порядок когнитивного моделирования при представлении концептов-антропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга в Библии и поэтическом тексте вносит определенный вклад в дальнейшее междисциплинарное изучение вопросов когнитивной лингвистики и культурологии. Предложенная в работе терминология служит развитию и уточнению понятийного аппарата современного языкознания.

Практическая значимость диссертационной работы определяется возможностью использования полученных результатов в практике преподавания когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвопоэтики. Данные проведенного исследования дополняют содержание названных дисциплин в теоретическом и эмпирическом аспектах.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются опорой на многоаспектную научную литературу вопроса, репрезентативностью привлеченного к рассмотрению фактического материала, применением современных технологий его статистической обработки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальное пространство библейского дискурса последовательно включает концептосферу Библии и множество толкований ее составляющих, пер-

соносферу библейского текста, концептуальную область «*Ветхий человек и новый человек*», в которой при верховенстве концептуального триединства «тело/душа/дух», концептов высшей степени значимости «греховность» / «праведность» и посредством активного взаимодействия антиномичных концептов «недуг» / «здравие», «скверна» / «чистота», а также процессуальных концептов «покаяние» / «преображение=очищение» происходит семантизация библеизмов – антропонимов и квазиантропонимов.

2. В сюжетах, репрезентируемых библейскими антропонимами и квазиантропонимами с семантикой физического/духовного совершенства и недуга, отчетливо выделяются событийные элементы, повторяемость которых позволяет говорить об устойчивости структуры информационных единиц, изначально заданных в базовом протофрейме «Духовное преобразование человека» и во вторичном протофрейме «Духовная гибель человека».

3. Особая (кульминационная) значимость отличает противопоставление слотов базового и вторичного протофреймов «*Покаяние (обращение ко Христу)*» / «*Отсутствие покаяния (отступление от веры/безверие)*». Разрушение слота *Покаяние* базового библейского фрейма определяет элиминацию слотов восхождения от ветхого человека к новому и активизацию слотов вторичного протофрейма «Духовная гибель человека»: усугубление греха, саморазрушение и стремление к гибели.

4. Фреймо-лингвопоэтический подход к исследованию семантизации библейского антропонима в русской поэзии XVIII–XX веков позволяет смоделировать структуру сюжета, стоящего за ним, увидеть, в каких слотах и отношениях раскрываются идейно значимые смыслы, формирующие значение библеизма-антропонима в Библии и разновременных поэтических текстах.

5. Функционирование квазиантропонима *блудный сын* и антропонима *Мария Магдалина* в текстах русской поэзии характеризуется наследованием (эксплицитным или имплицитным) концептуальных базовых библейских смыслов или их трансформацией. При эксплицитном наследовании реализация базового фрейма-сценария проявляется на вербальном уровне с полным набором всех идейно значимых слотов. Имплицитное наследование происходит при поэтической интерпретации, содержательно полемизирующей с библейским сюжетом, но сохраняющей сущностную связь с базовым протофреймом «Духовное преобразование человека».

6. При трансформации смыслов библейская символика оказывается вытес-

няемой и библеизмы *блудный сын* и *Мария Магдалина* транслируют только обобщенно-образное, коннотативное значение, обусловленное деактуализацией прототипических слотов. Трансформация глубинных смыслов библейского фрейма в поэтических текстах проявляется в забвении библейской символики первоисточника.

7. В рамках поэтической коммуникации происходит идентификация социальных и духовных координат автора текста и реципиента на уровне сопоставления и/или уподобления собственной индивидуальности и прецедентного образа. Схождение таких идентифицирующих пересечений находится в каждой временной точке поэтического процесса XVIII–XX веков и базируется на вечных смыслах сакрального текста.

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты исследования обсуждались на заседаниях научного семинара Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, были изложены в виде докладов на следующих конференциях: научной конференции памяти профессора Г.П. Жидкова «Актуальные проблемы современной гуманитаристики» (1 ноября 2013 г., Калининград); Международной научно-практической конференции «Владимир Креститель и судьбы русского мира: история, словесность, культура. К 1000-летию памяти святого равноапостольного князя Владимира» (5–6 октября 2015 г., Калининград); Международной научно-практической конференции (8 октября 2016 г., Челябинск); научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Дни науки – 2020» в БФУ им. И. Канта (23 мая 2020 г., Калининград). Основные результаты исследования изложены в 8 статьях, 5 из которых опубликованы в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, актуальность диссертации, указываются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуются материал исследования и методы его анализа, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Актуальные положения теории имени собственного» со-

стоит из двух параграфов, первый из которых посвящен рассмотрению теоретических оснований, связанных с понятием, функциями имени собственного, а также раскрывает точки зрения лингвистов на вопрос о наличии у проприативов лексического значения. Во втором параграфе имя собственное рассматривается в контексте интертекстуальности и прецедентности.

Большинство ономастов сходятся во мнении, что денотативное значение имени собственного преобладает над сигнификативным, в то время как имена нарицательные более связаны с понятием, нежели с денотатом. Однако определенные типы онимов представляют собой союз проприального имени и апеллятива и реализуют функцию прономинативного употребления или вторичного именования, т.е. антономасии. Коннотативный потенциал таких онимов существенно превышает аналогичный показатель у регулярного онима, поскольку структура их значения содержит зону семантических ассоциаций, которые в сознании носителей языка связываются с обозначаемым объектом, напоминающим обладателя прецедентного имени.

В пространстве библейского ономастикона рассматриваемого нами тематического круга антропонимов центр, наряду с собственно антропонимами (*Давид, Иов*), представляют составные оттопонимические антропонимы (*Мария Магдалина, Иуда Искарот*). Периферию формируют подобные антропонимам идентифицирующие человека языковые единицы, выступающие в номинативной функции – квазиантропонимы, особое положение среди которых занимает квазиантропоним *блудный сын*, содержащий, с одной стороны, указание на родовые права, а с другой – на духовный недуг номината. В настоящем исследовании принято расширительное понимание антропонимии: квазиантропонимы наравне с антропонимами считаются принадлежащими библейскому ономастикону.

Во втором параграфе главы рассматривается сущность прецедентных онимов как «точечных» цитат, способных провоцировать развитие интертекстуальных смыслов. Структура значения такого типа онимов содержит зону смысловых приращений, отражающих признаки объекта, которые устойчиво с ним связываются в сознании носителей языка. Так, например, функционируя в различного рода дискурсах, библейский антропоним *Иуда* воплощает устойчиво закрепленную в культуре христианского общества пейоративную коннотацию («предательство») (ср. в поэзии: *«А теперь несбыточного чуда // Так напрасно ждут ученики. // Самый умный сгорбленный Иуда // Предал, и скорее, чем враги. <...>»* (И.Г. Эренбург, 1910); *«<...> Кто молится младенцу? // Кто мать величает? // Мир моего мла-*

денца // **Предательством** встречает. // Любой ему **Иуда** // И крест ему сосновый // На каждом перекрестке // Заране уготован <...>» (М.И. Цветаева, 1941).

Особая маркированность прецедентного имени в коммуникативном пространстве определяется тем, что, кроме регулярной и безусловной для онима номинативной функции, прецедентный антропоним приобретает персуазивную (функцию убеждения), людическую (игровую) и парольную (обособления) функции.

Обобщая сказанное, заключим, что семантика прецедентного феномена складывается из общеязыкового коннотативного значения данной единицы, контекстуального смысла, содержащегося в претексте (например, в библейском тексте), и приобретенных в процессе речи новых смыслов (например, в поэтической речи). Отметим, что успешность коммуникации во многом зависит от степени информированности коммуникантов, степени их включенности в культурный контекст.

Во второй главе **«Фреймовый подход к исследованию антропонимических концептов»** представлены методики применения фрейм-анализа в лингвистических исследованиях, дана лингвокультурологическая характеристика концептуальной области *«Ветхий человек и новый человек»*, предложен порядок процедуры когнитивного моделирования при исследовании семантизации библейских антропонимов и квазиантропонимов.

Сущностная особенность прецедентного антропонима – выступать знаком как языкового, так и когнитивного планов – мотивирует обращение к понятию *фрейма* как иерархической структуре репрезентации концепта, прецедентной ситуации, знаком которой служат антропоним или квазиантропоним. Структурные элементы фрейма (слоты) организуют, хранят и закрепляют наше знание о библейской прецедентной антропонимике.

В ходе настоящего исследования в концептосфере библейского текста была выделена персоносфера (ономастикон), единицами которой выступают концепты-антропонимы и квазиантропонимы. В пространстве персоносферы библеизмы-антропонимы семантизируются посредством «парных» концептов высокой степени абстрагирования и принципиальной антиномичности: «грех(овность)» / «праведность», «недуг» / «здравие», «скверна» / «чистота». Вкупе с концептуальным триединством «тело/душа/дух» (Троица), процессуальными концептами «покаяние» и «преображение=очищение» вышеназванные «парные» концепты и библеизмы-антропонимы составляют концептуальную область *«Ветхий человек и новый человек»*.

В данной главе обосновывается, что фрейм-анализ служит оптимальным инструментом представления и оценки концептуальной информации, транслируемой библеизмом-антропозонимом. Он позволяет смоделировать структуру референтной ситуации (фрейма библейского сюжета), увидеть, какие сценарии закреплены за библейским антропонимом в «материнском» тексте, а также наблюдать на этом фоне за динамикой фрейма, контекстуальной активизацией его отдельных зон в лирическом тексте.

В ходе анализа сюжетов, репрезентируемых библейскими антропонимами и квазиантропонимами с семантикой физического/духовного совершенства и недуга, отчетливо выделяются событийные элементы, повторяемость которых позволяет представить их в виде когнитивной модели. Устойчивую структуру информационных единиц (слотов), объединенных семантикой «Духовное преображение человека» (1. *Грех*; 2. *Недуг духа/тела как следствие греха*; 3. *Покаяние (обращение ко Христу)*; 4. *Исцеление (по воле Спасителя)*; 5. *Жизнь нового человека (жизнь во Христе, жизнь вечная)*) мы называем **базовым протофреймом**. В нем отражен сценарий духовного преображения *ветхого* человека в *нового*, приобщившегося к Христовой вере. На основании системы слотов производным от базового протофрейма выступает **вторичный протофрейм** «Духовная гибель человека»: 1. *Грех*; 2. *Недуг духа/тела как следствие греха*; 3. *Отсутствие покаяния (отступление от веры, безверие, укоренение во грехе)*; 4. *Усугубление недуга*; 5. *Смерть (гибель от внешней силы или самоубийство)*.

Наблюдения над фактическим материалом позволяют говорить об устойчивости структуры информационных единиц, изначально заданных в базовом протофрейме «Духовное преображение человека» и во вторичном, производном от базового протофрейме «Духовная гибель человека». Принципиально важно, что слоты, изначально заданные в базовом протофрейме «Духовное преображение человека», на уровне значений 3, 4 и 5 узлов вторичного протофрейма «Духовная гибель человека» составляют оппозицию, детерминированную концептуальной областью «*Ветхий человек и новый человек*». Кульминационной значимостью обладают третьи слоты протофреймов «Духовное преображение человека» и «Духовная гибель человека»: 3. *Покаяние (обращение ко Христу)* / 3. *Отсутствие покаяния (отступление от веры, безверие, укоренение во грехе)*.

В третьей главе «Исследование библейских антропонимов с семантикой физического/духовного совершенства и недуга в русской поэзии с применением цифровых технологий» продемонстрирована возможность привлечения инст-

рументов цифровой гуманитаристики для обеспечения объективности количественной обработки рассматриваемого массива поэтических текстов. Результатом компьютеризированного анализа материала стал количественный рейтинг поэтов, в стихотворениях которых функционируют антропони́мы рассматриваемой нами группы.

На основании данных о частотности употребления библеизмов-антропони́мов русскими поэтами (XVIII в., XIX в., первая половина XX века, вторая половина XX века, а также XVIII–XX вв.), полученных посредством реализации автоматизированного контент-анализа (MAXQDA) и ресурсов корпусной лингвистики (НКРЯ), были сконструированы «облака слов» (WordArt), визуализирующие статистику функционирования библейских антропони́мов с семантикой физическо-го/духовного совершенства и недуга в русской поэзии в соответствии с вышеуказанными периодами.

Обработанные и структурированные таким образом данные позволяют сделать вывод о том, что важнейшие события истории родной страны, претворенные в судьбе человека, осмысляются поэтами через призму вечных образов вечного текста. Образы *блудного сына*, *Марии Магдалины* и *Лазаря* как знаки определенных прецедентных сюжетов становятся идейно образующими не только для конкретного стихотворения в отдельно взятую эпоху, но и для всего корпуса поэтических текстов, рассматриваемого в работе (рис. 1).

Рис. 1. Библейские антропони́мы с семантикой физическо-го/духовного совершенства/недуга в русской поэзии XVIII–XX вв.

Так, образ *блудного сына*, как правило, трансформируется в образ героя, потерявшего Родину и тоскующего по ней, а также человека, пребывающего в экзистенциальном кризисе. В стихотворении И.А. Савина «России» (1926) лирический субъект поглощен осознанием ужаса всего случившегося со страной, он чувствует личную ответственность за это. В поэтических текстах В.Ф. Ходасевича (1904), М.И. Цветаевой (1916) субъект речи, объятый ощущением потерянности, обреченности, необратимости происшедшего, пребывает в глубоком кризисе веры.

Притягательность, сложность и противоречивость образа *Марии Магдалины* находят воплощение в текстах А.А. Блока (1909), А.Б. Мариенгофа (1919), М.И. Цветаевой (1923), С.В. Петрова (1931), Б.Ю. Поплавского (1933), Б.Л. Пастернака (1949) и др. Апелляция к библейским сюжетам обуславливает рождение в поэтических текстах нетривиальных ассоциативных рядов, задающих направление интерпретации лирических произведений.

Интерес русских поэтов к образу *Лазаря* особенно возрастает во второй половине XX века. Через обращение к библейскому антропониму такие авторы, как В.И. Иванов (1918), М.А. Волошин (1922) и др., актуализируют известный сюжет о воскрешении Христом Лазаря. Именно этим сюжетом вводится мотив надежды, упования на чудо, способное спасти любимую страну, с которой неразрывно связана судьба лирического субъекта.

Используя методику конструирования словесного облака, удалось смоделировать тот вариант библейского сегмента русской персоносферы, который представлен в нашей выборке примеров употребления библейских антропонимов и квазиантропонимов в русской поэзии. Можно заключить, что ядерным компонентом «облака» библеизмов-антропоэтонимов является квазиантропоним *блудный сын* – имя соответствующего сценария, который представляет собой один из (условно говоря) текстов-гипонимов, одну из текстовых манифестаций базового прототипа-гиперонима «Духовное преображение человека».

Далее с помощью построения графовых моделей данных продемонстрирована визуализация отношений основных компонентов художественного ономастикона рассматриваемой нами тематической категории антропоэтонимов. Это позволило оптимально представить **персонализированную** статистику обращений поэтов к библейским антропонимам с семантикой физического/духовного совершенства и недуга (рис. 2).

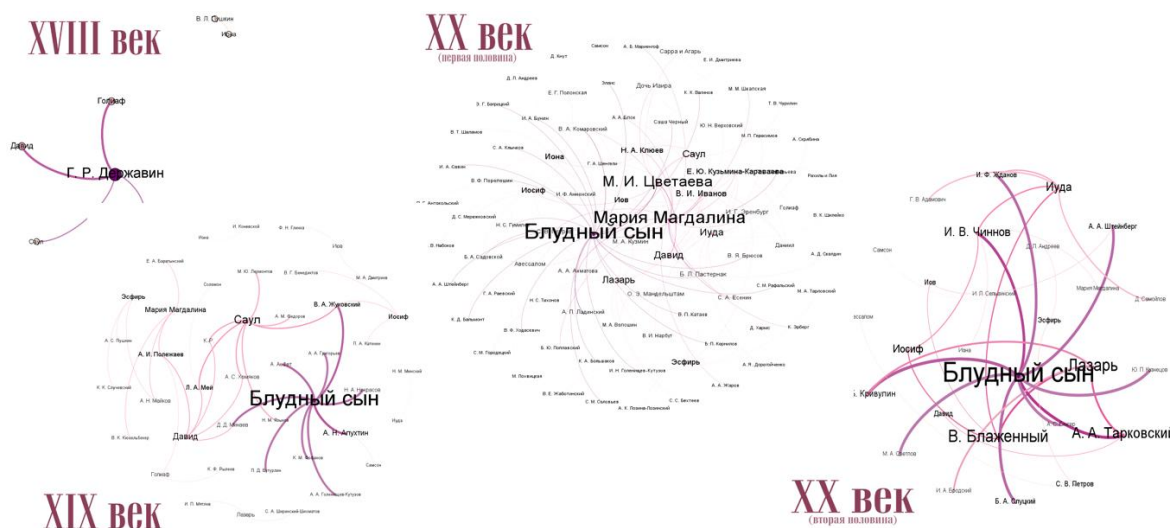

Рис. 2. Графовые модели «Библейские антропонимы с семантикой физического/духовного совершенства и недуга в русской поэзии XVIII–XX вв.»

Графовые модели демонстрируют, что в русской поэзии XVIII века обращения к библеизмам-антропонимам рассматриваемой группы минимальны. В XIX веке количество их употреблений возрастает, поэзии этого периода характерны образы *блудного сына*, *Саула*, *Давида*, *Марии Магдалины*, *Иосифа* и *Эсфири*. Русская поэзия XX века изобилует именами библейских героев и по-прежнему закрепляет первенство употребления за квазиантропонимом *блудный сын*, однако образы *Марии Магдалины*, *Саула*, *Давида* и воскрешенного Христом *Лазаря* также приобретают особую актуальность.

Таким образом, графовая модель визуализирует степень востребованности конкретных антропонимов в системе прецедентных библейских имен, отражающих мысли и переживания людей эпохи, транслируемые определенными общеизвестными для христианской цивилизации сюжетами.

В четвертой главе «**Интеграция фреймового и лингвопоэтического анализа библеизмов-антропонимов в русской поэзии XVIII–XX веков**» представлено исследование семантизации библеизма-квазиантропонима *блудный сын* и библеизма-антропонима *Мария Магдалина*.

Исследование массива поэтических текстов, содержащих библейский квазиантропоним *блудный сын* и антропоним *Мария Магдалина*, показывает, что смыслы библейского фрейма, транслируемого антропонимом, характеризуются различной степенью проявленности или редукции. На основании этого наблюдения нами выделено два уровня передачи смыслов библейского фрейма в семантике антропонима: **наследование смыслов** (I уровень), проявляющееся в глубокой смысловой связи поэтического текста с библейским, и **трансформация** (II уровень), при которой концептуальные смыслы библейского текста оказываются ослаблены либо утрачены совсем.

При наследовании репрезентация концептуальной связи библейского антропонима или квазиантропонима с соответствующим антропонимом может носить как эксплицитный, так и имплицитный характер. **Эксплицитное наследование** предполагает, с одной стороны, четкую актуализацию слотов «именного» библейского фрейма, а также очевидную проявленность структуры базового или вторичного протофреймов во фрейме-сценарии, транслируемом антропонимом; с другой стороны – развитие и тесное взаимодействие семантики всех этих фреймов. При **имплицитном наследовании** в поэтическом тексте на фоне актуализа-

ции библейских фреймов происходит смысловой сдвиг, порождающий новую содержательно-концептуальную информацию. При этом словесное представление семантики слотов библейских фреймов в поэзии обусловлено природой идиостиля поэта и ориентировано на достаточно высокий уровень культурно-эстетического сознания читателя.

Эксплицитное и имплицитное наследование может осуществляться по положительному или отрицательному сценарию. **Положительным сценарием** мы называем реализацию в поэтическом тексте слотов библейского фрейма-сценария, содержательно изоморфного базовому протофрейму «Духовное преображение человека». **Отрицательным сценарием** мы называем реализацию в поэтическом тексте библейского фрейма-сценария в логике развертывания вторичного библейского протофрейма «Духовная гибель человека», который, в отличие от базового протофрейма «Духовное преображение человека», представляет сценарий неизбежного физического/духовного «обветшания» человека. При эксплицитном и имплицитном наследовании семантики библейского фрейма по отрицательному сценарию изменение содержания указанных слотов неизбежно провоцирует диалог смыслов, их приращение на фоне очевидной и прочно сохраняющейся семантической связи вторичного протофрейма с базовым.

При **трансформации** смыслов библейский фрейм не актуализируется, поскольку его идейно значимые слоты редуцируются, происходит фразеологизация антропонима. Подчеркнем, что условия реализации библейского фрейма состоят в актуализации системы слотов, а не отдельных смысловых элементов фреймовой структуры. Речь идет именно о трансформации смыслов базового библейского фрейма, поскольку исчезновение одного или нескольких конституирующих фреймовую структуру слотов провоцирует ее разрушение.

Из 53 поэтических текстов, содержащих библеизм-квазиантропоним *блудный сын*, в 20 (39%) реализуется **наследование** сильных смыслов библейского фрейма, в 33 (61%) – их **трансформация**. В Библии известный «семейный» сюжет служит выражению концептуальных религиозно-нравственных смыслов. Интерпретация притчи в русле библейской герменевтики строится на одновременности «житейского» и символического толкований образа отца – Отца.

Эксплицитное наследование сильных смыслов по **положительному сценарию**, т.е. вербально выраженную актуализацию слотов библейского фрейма-сценария «Блудный сын» (1. *Отступничество от отца/Отца (грех)*; 2. *Тяготы жизни грешника (недуг)*; 3. *Покаяние (мольба о прощении)* – *возвращение к от-*

цу/Отцу; 4. Прощение блудного сына отцом/Отцом; 5. Жизнь нового человека (жизнь во Христе, жизнь вечная)), находим в стихотворении А.Н. Апухтина «Помощник, Покровитель мой!..», выдержанном в речевом жанре мольбы. Компоненты номинационного ряда «Помощник», «Покровитель», «Отец», «Всесильный», «Спаситель»; лексика текстовых микрополей греха («погрязнул в страстях», «богатство растерял», «жалкий расточитель») и страдания («язвы», «раны», «страдаю невыносимо», «поверженный в прах»); корневой повтор «Спаси меня, Спаситель» вкупе с императивами мольбы («сжался», «прими меня», «не отринь») выражают крайнюю степень страдания и глубину покаяния субъекта речи, жаждущего преобразования.

В другом стихотворении А.Н. Апухтина – «О Ты, который мне и жизнь и разум дал...» – наследование сильных смыслов осуществляется **по отрицательному сценарию**. Лингвопоэтика стихотворения зеркально отражает комплекс художественных приемов предыдущего текста, однако служит выражению диаметрально противоположной идеи: неизбежность мук субъекта речи в Господней безучастности. Именно разрушением слота «Покаяние» базового библейского протофрейма «Духовное преобразование человека» обусловлены элиминация слотов восхождения от ветхого человека к новому и запуск слотов вторичного протофрейма «Духовная гибель человека»: усугубление греха, саморазрушение и стремление к гибели (смерть). Угроза впасть в тягчайший грех самоубийства полностью отвечает содержанию финального слота («Смерть») в структуре вторичного библейского протофрейма «Духовная гибель человека».

При **имплицитном наследовании** смыслов библейский антропоним *блудный сын* участвует в реализации индивидуально-авторских сценариев, в которых сохраняется глубинная смысловая связь с базовым протофреймом «Духовное преобразование человека» и с его конкретным сюжетным проявлением – библейским фреймом «Блудный сын». Так, в стихотворении Б.А. Слуцкого «Блудный сын» все слоты базового протофрейма «Духовное преобразование человека» и библейского фрейма «Блудный сын» получают близкое, но не тождественное каноническому лексическое наполнение. Слот «Покаяние» представлен не «ожидаемой» лексикой самоосуждения и мольбы, а лишь одиночным предикативным наречием с вопросительной модальностью допущения, позволения («можно?»: *Блудный сын // возвращается в отческий дом. // И стучится в окно осторожно: // – Можно? //*). Ключевой метой смыслового сдвига в авторском переложении библейской притчи становится глагол *смириться*, употребленный в этом контексте в желатель-

побудительном значении (*смирися б: Как приятно, что ты возвратился, // Ты б остался, сынок, и смирися*). Возникновение мотива смирения как необходимого условия возвращения к семейному очагу предопределяет неизбежность второго (окончательного?) ухода сына: *«И встает. // И свой посох находит, // И, ни с кем не прощаясь, уходит»*. Сытости и безмятежному покою *отеческого дома* сын предпочитает бездомность, странничество. Символично, что посох является атрибутом странника, претерпевающего лишения и испытания «ради искания истины Христовой» (Н.С. Лесков). В поэтической интерпретации притчи эксплицировано отступление от библейской трактовки образов отца и сына, но имплицировано наследование концептуальных смыслов первоисточника: противоречивость и многотрудность пути блудного сына к новой жизни – к жизни во Христе.

В 61% исследованных поэтических текстов квазиантропоним *блудный сын* функционирует как прецедентный знак, транслирующий максимально упрощенную семантику и минимализированное на фоне «материнского» текста восприятие (непочтительный сын, покинувший родительский дом, а затем вернувшийся). Отраженное в семантике фразеологизированной речевой единицы упрощение сюжета библейской притчи по пути сворачивания и бытовизации смысла демонстрирует, с одной стороны, низкую степень укорененности в сознании носителя языка прецедентной культурной ситуации во всей полноте ее концептуального содержания, с другой – указывает на малый потенциал развертывания в поэтическом тексте исходного библейского фрейма-сценария.

Поэтические тексты данной группы демонстрируют утрату концептуально значимых, доминирующих слотов фрейма-сценария «Блудный сын»: 3. *Покаяние (мольба о прощении) – возвращение к отцу/Отцу* и 4. *Прощение блудного сына отцом/Отцом*. Иными словами, глубинный смысл библейского сюжета с центральным событием метанойи согрешившего, но по-прежнему любимого сына, принятия его по возвращении милосердным Господом и дарования ему благодати не наследуется поэтическими текстами этой группы.

Массив текстов с **трансформацией** смыслов библейского фрейма характеризуется вытеснением, замещением сакрального образа Отца, Спасителя образами Родины, природы родного края, музыки. Это наблюдение характерно для стихотворений А.А. Фета (1854), Н.А. Некрасова (1855), Д.Д. Минаева (1880), К.М. Фофанова (1892), П.Д. Бутурлина (1893), С.А. Клычкова (1907), К.А. Большакова (1915), Б.А. Садовского (1929), С.М. Соловьева (1929), И.Н. Голенищева-Кутузова (1940), А.С. Гингера (1964) и др. В корпусе контекстов с патриотическими мотивами,

представленном лирикой Н.А. Некрасова (1854), А.Н. Апухтина (1858), С.М. Рафальского (1926) и др., в отдельный номинационный ряд становятся лексемы «Родина-мать», «страна моя родная», «Русь», «земля моя», которые, замещая фигуру отца/Отца образом матери или отечества, задают условия для актуализации дополнительных патриотических смыслов на фоне общеизвестного фразеологизированного значения квазиантропонима.

Из 29 поэтических текстов, содержащих библеизм-антропоним *Мария Магдалина*, в 17 (59%) осуществляется **наследование** сильных смыслов библейского фрейма, в 12 (41%) – их **трансформация**.

Антропозетоним *Мария Магдалина*, выполняя структурообразующую функцию в стихотворении Н.А. Клюева, является источником **эксплицитного наследования** глубинных смыслов одноименного библейского фрейма-сценария. Содержание стихотворения напрямую соотносится с ключевыми слотами представленной нами фреймовой структуры: 1. *Жизнь в блуде (Гуляешь ночью до рассвета, // А днем усталая сидишь // И перья смятого берета // Иглою неловкою чинишь)*; 2. *Недуг духа / Жизнь в блуде (Такая хрупко-испитая, // Рассветным кажешься ты днем <...> Панель... Толпа...)*; 3. *Покаяние (В слезах лобзает Магдалина // Стопы пречистые Христа. // Как ты, раскаяньем объята, // Янтарь рассыпала волос...)*; 4. *Исцеление (И взором любящего брата // Глядит на женщину Христос)*. Семантика слота 5. (*Жизнь новая / Апостольское служение*) актуализирована в тексте в сильной позиции первой строки, в которой иносказательно выражены ключевые смыслы стихотворения. Так, метафора «лебединая белая доля» на уровне устойчивых социокультурных ассоциаций актуализирует фразеологизм «лебединая верность». В свою очередь, «верность» – концептуальное понятие, составляющее содержание «апостольского служения», а существительное «доля» в настоящем контексте выступает абсолютным синонимом существительного «судьба», оказывающимся в одном ряду с понятием «жизнь».

Только в одном из общего числа стихотворений с антропозетонимом *Мария Магдалина*, тексте М.М. Шкапской «Магдалина» (1913–1917), проявляется **эксплицитное наследование по отрицательному сценарию**, когда при развертывании библейского фрейма наблюдается нарушение его структуры на уровне слота 3. *Покаяние*. Отсутствие покаяния и смирения в человеке всегда обусловлено гордыней, приводящей его к унынию, в свою очередь выраженного в стихотворении прямо и метафорически лексикой с соответствующей семантикой («Несу наполненный с краями // Безмерной горечи сосуд»). Эгоцентризм и самонадеянность как

основная характеристика образа субъекта речи, обнажая мнимость подчеркиваемого смирения, выражена в тексте лексически и грамматически через обилие местоименных слов: многократный повтор личного местоимения-существительного «я» и его падежных форм («ко мне»); возвратного местоименного прилагательного «свой» и притяжательного «мой».

Метафорическое упоминание в сильной позиции текста тяжелой ноши лирической героини в виде наполненного горечью *сосуда* («*Несу наполненный с краями // Безмерной горечи сосуд*».) отсылает к библейской символике выражения «*сосуды скудельные*», которое, по слову Иоанна Златоуста, характеризует «людей ветхозаветных». Благодать Божия замещается *горечью* в сердце героини стихотворения на фоне ее обиды на Господа, которая закономерно порождает злость и гнев в противовес декларируемому смирению.

Поэтические тексты, в которых антропоним *Мария Магдалина* реализует механизмы **имплицитного наследования** смыслов базового протофрейма «Духовное преображение человека» с его конкретной манифестацией – библейским фреймом «Мария Магдалина», как правило, характеризуются наличием текстопорождающих метафорических образов, которые, вступая в семантическое взаимодействие, способны продуцировать дополнительную концептуальную информацию и многочисленные приращения смысла на фоне прецедентного сюжета. Зачастую смысловой потенциал метафор в стихотворениях рассматриваемой нами группы обуславливает недоопределенность лирического повествования и, соответственно, неоднозначность трактовки поэтического произведения. Характерно, что имплицитное наследование осуществляется через усиление признаков прецедентного библейского образа или ситуации (сценария) по пути наращивания сверхсмысловой текстовой информации. Средством ее выражения выступает лингвопоэтический прием, сообщающий лирическому произведению особую поэтическую форму, характеризующуюся уникальными комбинациями изобразительно-выразительных средств различных языковых уровней. Так, при поэтической реализации библейского фрейма-сценария «Мария Магдалина» мы наблюдаем развитие семантических приращений, укладываемых в русла следующих доминирующих мотивов: 1. *Духовные терзания*; 2. *Любовь и преданность*; 3. *Чувственность и страсть*; 4. *Исключительная красота и внешняя притягательность*.

Библейский антропоним *Мария Магдалина*, транслирующий одноименный фрейм-сценарий, выполняет текстообразующую функцию и, объективируя в стихотворениях с имплицитным наследованием сильных смыслов переплетение сил

эроса и танатоса, вводит в тексты А.А. Блока (1909), А.А. Ахматовой (1915), А.Б. Мариенгофа (1919), М.И. Цветаевой (1923), С.В. Петрова (1931), Б.Ю. Поплавского (1931–1933) и др. концептуальные мотивы страсти, огня, греха, красоты, жизни и смерти, определяющим признаком соотношения которых является антиномичность, характерная в целом для художественного мышления.

Чувственная нежность Марии Магдалины, изливающаяся в слезах, алавастровый сосуд с миром, помазание Христа, целование Его ног и отирание их волосами, упомянутые евангелистом, приобретают в языке культуры символическое значение и осмысляются поэтически, концептуально обогащая поле значений библейского антропонима в текстах Н.А. Клюева (1907–1911), М.И. Цветаевой (1923), Б.Л. Пастернака (1949) и др. Притягательность внешней красоты Марии Магдалины, поэтически артикулированная соматической лексикой с контекстуально присущими ей, как правило, эротическими коннотациями, объективирует любовную страсть, высокая степень которой сакрализует эрос. Так, в стихотворении А.Б. Мариенгофа анафорический повтор выделительно-ограничительной частицы «только» акцентирует детали физического портрета Марии Магдалины: *«Только губы, твои, Магдалина, губы, // Только глаза небные, // Только волос золотые рогожи // Сделают воском // Железо крестных гвоздей»* (А.Б. Мариенгоф, 1919). При этом взгляд лирического субъекта *поднимается* от губ, однозначно выражающих семантику чувственности, к глазам и волосам, приобретающим и внетелесные признаки. Окказиональный эпитет «небные», атрибутирующий глаза, является не только и не столько их цветовой характеристикой, сколько выражением небесной, неземной природы Магдалины. Вспомним, что телесный, внешний облик отражает духовную жизнь человека, качества его триединой природы. В том же смысле метонимический перенос «волос золотые рогожи» провоцирует переплетение ассоциативных образов – грубо рукотворного, земного (ср.: *«рогожа – грубая плетеная ткань из мочальных лент»* [МАС 3: 722]) и золотого, неземного – основного цвета/света *Царствия Божия*.

Волосы Марии Магдалины, как уже было отмечено, в социокультурном контексте стали символом женственности. Нижеприведенные контексты иллюстрируют частотность поэтических обращений к этой детали образа библейской героини. Симптоматично, что в большинстве случаев наблюдается метонимическое употребление этой детали, эксплицирующей семантику непредсказуемости, стремительности, активного действия, потока: *«Зачем во дни святые // Ворвался день один, // Как волосы густые // Безумных Магдалин <...>»* (А.А. Ахматова, 1915);

«Твари с кудрями огненными // Молвивший: встань: сестра!» (М.И. Цветаева, 1923); *«Шарю и не нахожу сандалий. // Ничего не вижу из-за слез. // На глаза мне пеленой упали // Пряди распустившихся волос. // Ноги я твои в подол уперла, // Их слезами облила, Иисус, // Ниткой бус их обмотала с горла, // В волосы зарыла, как в бурнус <...>»* (Б.Л. Пастернак, 1949).

В рамках рассматриваемого поэтического дискурса концептуальные составляющие прецедентного образа опредмечены в соположении характерной черты физического облика Марии Магдалины и психофизического проявления ее саморефлексии: в неостановимом потоке «густых волос» и слез «святой блудницы». В контексте: *«Слезы, волосы, – сплошное // Исструение, а тот [Иисус Христос] // В красную сухую глину // Благостный вперяя зрак: // – Магдалина! Магдалина! // Не издаривайся так!»* – «изобильность (избыточность?) жизни и чувства» составляет оппозицию аскезе «красной сухой глины».

Драма чувств усиливается исключительной витальностью образа Марии Магдалины, подчеркнутой индивидуально-авторским образованием «исструение», порожденном поэтическими манипуляциями на морфемном и морфологическом уровнях. Значение неузуального слова обогащается семами «движение», «распространение», «поток», «естественность» и поддерживается эпитетом «сплошное», сообщаямуществительному семантику всецелого заполнения пространства, которое лирическую героиню не принимает, отвергает, выталкивает.

На уровне поэтической образности («красная сухая глина») и ассоциативного шлейфа слов формулируется идея, характерная для мироощущения цветаевской героини: «я то, что я есть, и это не то, что нужно». Рефреном звучащее *«Магдалина! Магдалина!»* (с интонационным оттенком родительского порицания) и следующий за обращением категорический императив *«не издаривайся»* выражают семантику предостережения лирической героини от растраты себя, сил своей души, сердца в ущерб духу. Самоощущение отвергнутой женщины, осознание ею невозможности разделить энергию жизни с Тем, кого она любит, катастрофично для нее. Созвучие лексем *«не издаривайся»* и *«удар»* способствует актуализации мотивов страдания, одиночества и женского сиротства.

Отдельно следует отметить случаи, когда стихотворение с антропонимом представляет собой экфрастическое описание в фокусе поэтической рефлексии. Так, образ кающейся Марии Магдалины, явленный на полотнах мастеров изобразительного искусства, становится предметом изображения в стихотворениях А.Н. Майкова (1841) и В.А. Комаровского (1912). Взаимодействие поэта и читате-

ля, объединенных общностью контекста коммуникации, осуществляется в зоне метаописания произведения изобразительного искусства. Коммуниканты оказываются включенными в порождающие интермедийные проекции пространство полилога литературной, культурной и живописной традиций.

41% исследованных поэтических текстов характеризуется **трансформацией** сильных смыслов библейского фрейма-сценария «Мария Магдалина». В этом случае фрейм не разворачивается, поскольку его ключевые слоты деактуализируются. Неточность в обращении с оригинальным библейским сюжетом ведет к неизбежному упрощению трактовки образа Марии Магдалины: этот библейский персонаж воспринимается поэтами либо как святая заступница (как, например, у А.И. Полежаева (1833), С.А. Есенина (1915, 1916), либо становится эмблемой женственности и соблазна (например, у В.И. Иванова (1906), К. Эрберга (1918), А.А. Жарова (1928)). При этом заметим, что хотя эротизм с концептуальных позиций христианской картины мира совершенно чужд облику «святой», «идеальной» женственности, но художественное пространство имеет свою специфическую оптику: *«Бьют зеленые льдины // Дни о гранитные набережные, // А я говорю: любовь прячь, Магдалина, // Бережно. // <...> // Еще я хочу, Магдалина // Уюта // Никогда не мятых мужчиной // Твоих кружевных юбок»* (А.Б. Мариенгоф, 1919). Так отдельные авторы в развитии системы поэтических образов оказываются близки к святотатству через связанное с антропонимом нарочитое усиление эротического мотива посредством прямых сравнений, прономинаций и однозначно интерпретируемой предметной лексики: *«А я говорю; прячь, Магдалина, любовь до весны, как проститутка “катеньку” за чулок»*. (А.Б. Мариенгоф, 1919); *«Мне снится, снится // В тиши больших ночей // Лицо святой блудницы, // Любовницы моей»* (А.А. Жаров, 1928).

Схематичность и пропуск идейно значимых элементов структуры сценарного фрейма «Мария Магдалина» делают невозможным его развертывание, ограничивая семантический шлейф библеизма характеристиками, закрепленными в массовом сознании.

В **заключении** представлены результаты исследования, подытожены основные идеи теоретической и практической частей диссертации.

На основе обращения к когнитивным моделям представления антропонимических концептов в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков был сформулирован ряд выводов и обобщений, касающихся концептуальной природы библейского ономастикона, исследовательского потенциала фреймового подхода к библеиз-

мам-антропонимам и библейским антропоэтонимам, а также дана характеристика разновидностей творческих практик при реализации значений библейских антропонимов в рамках литературной коммуникации.

Установлено, что функционируя на уровне глубинных смыслов, библейские антропонимы и квазиантропонимы реализуют в поэтическом тексте фрейм-сценарий, состоящий из системы концептуально значимых слотов, с параллельным приращением контекстуальных смыслов и расширением исходного значения прецедентного антропонима. Концептуальные смыслы имени библейского героя раскрываются за счет чистоты актуализации всех идейно значимых слотов базового фрейма, в этом случае библейский антропоним/квазиантропоним провоцирует в стихотворении развитие суперлинейной информации. В ряде стихотворений происходит трансформация глубинных смыслов при разрушении ключевых слотов библейского фрейма-сценария, что препятствует реализации его значения. В этом случае библеизм-антропоэтоним функционирует в тексте на уровне обобщенно-образной семантики, его значение редуцируется, что приводит к десакрализации прецедентного сюжета.

Выделение конкретных фреймовых слотов обеспечивает возможность обнаружения их семантического наполнения в поэтических произведениях и позволяет идентифицировать качество репрезентации идейно значимых смыслов библейского текста. Представленный в работе подход к выявлению и анализу механизмов семантизации библейских антропонимов со значением физического/духовного совершенства или недуга в поэтическом тексте обогащает инструменты интерпретации стихотворения, позволяя выявить лингвокогнитивные способы выражения ментальности человека, включенного в пространство христианской культуры. Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения вопросов, касающихся языкового представления социокультурных концептов на основе когнитивных матриц.

Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях автора общим объемом 3,4 п. л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. *Бабенко Н.Г., Стешенко М.А.* Поэтические новообразования, мотивированные онимами: функционально-семантический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2014. Вып. 8. С. 32–37 (0,4 п. л.).

2. *Стешенко М.А.* Рефлексy мировой культуры в языке современной русской поэзии // Российский гуманитарный журнал, 2015. Т. 4. № 6. С. 413–421 (0,6 п. л.).
3. *Стешенко М.А.* Библейские антропонимы *Иосиф Прекрасный* и *Мария Магдалина* в поэтической интерпретации М.И. Цветаевой // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта 2016 г. Вып. 1. С. 59–64 (0,3 п. л.).
4. *Стешенко М.А.* Функционирование библейских антропонимов *Давид* и *Голиаф* в поэтических текстах А.И. Полежаева и В.Я. Брюсова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта 2018 г. Вып. 1. С. 72–78 (0,4 п. л.).
5. *Бабенко Н.Г., Стешенко М.А.* Фреймовый подход к исследованию семантизации библеизма-квазиантропонима *блудный сын* в языке русской поэзии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2020. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 2. С. 21–31 (0,6 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

6. *Стешенко М.А.* Интертекстуальный потенциал антропонима и проблема его лексикографического описания // Актуальные проблемы современной гуманитаристики: сб. науч. ст. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. С. 230–236 (0,4 п. л.).
7. *Стешенко М.А.* Прецедентные антропонимы как средство поэтики «маскарада» (на материале современной русской поэзии) // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 210–214 (0,3 п. л.).
8. *Стешенко М.А.* Интертекстуальный потенциал библейского антропонима *Мария Магдалина* (по материалам словаря личных имен «Собственное имя в русской поэзии XX века») // Новая наука: стратегии и векторы развития: Международное научное периодическое издание по итогам Межд. научно-практ. конф. (8 октября 2016 г., Челябинск). В 2 ч. Ч. 2. Стерлитамак: АМИ, 2016. С. 58–64 (0,4 п. л.).

Стешенко Мария Александровна

**Когнитивные модели представления антропонимических концептов
в Библии и в русской поэзии XVIII-XX веков**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Подписано в печать 12.10.2020 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 85 экз. Заказ**

**Отпечатано в типографии
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.**